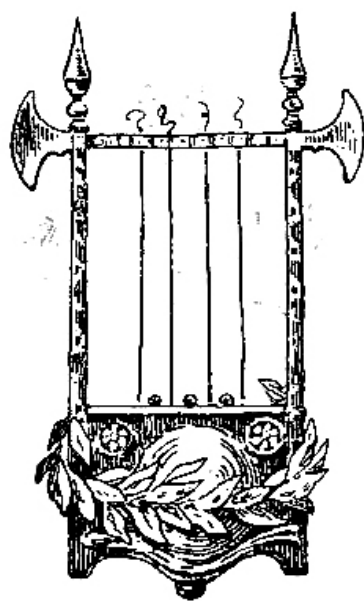

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

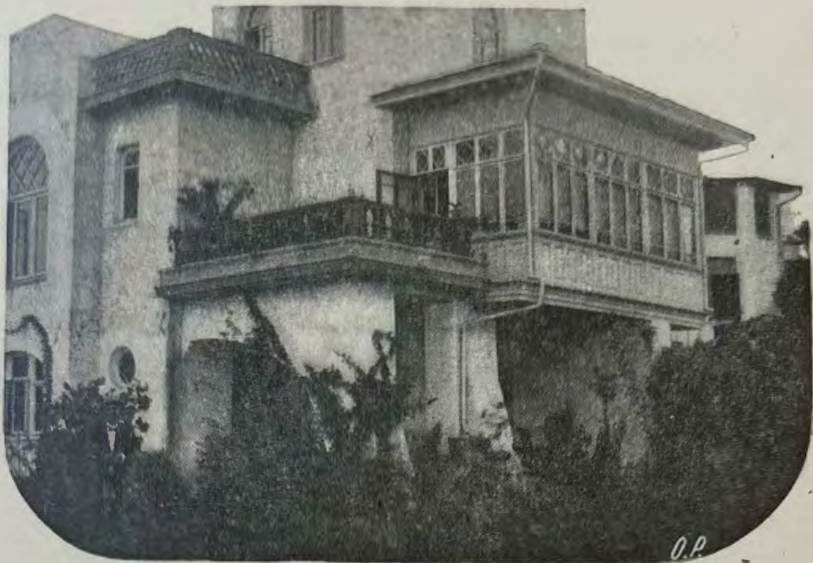
ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОСС. СЛОВЕСНОСТИ.

1906.

А. П. Чеховъ.

А. Федоровъ.

А. П. Чеховъ.

Весною нынѣшняго года, какъ разъ наканунѣ Пасхи, я подходилъ къ двери дачи А. П. Чехова въ Ялтѣ.

День былъ теплый, но облачный, тяжеловатый. Собирался дождь и его ждали еще не вполне распустившіяся деревья въ садикѣ, посаженномъ руками самого А. П. Чехова. Хромой журавль грустно разгуливалъ по двору, поворачивая во всѣ стороны красивую голову на тонкой шеѣ, точно все еще надѣялся увидѣть своего хозяина, который когда-то вылѣчилъ его переломленную ногу и пріютилъ у себя.

На двери все еще виднѣлась мѣдная дощечка и на ней черныя буквы: *А. П. Чеховъ*, — все, какъ годъ тому назадъ, когда я въ это же самое время подходилъ къ этой двери.

Но самага А. П. уже не было и потому все: домъ, деревья, журавль,—казалось не тѣмъ, что тогда, точно душа отлетѣла не только отъ нихъ, но и отъ всей окружающей природы.

Живымъ напоминаніемъ о немъ являлась, однако, его семья, въ первый разъ послѣ смерти А. П. пріѣхавшая въ Ялту: Евгенія Яковлевна (мать А. П.) братъ его Иванъ Павловичъ и Марія Павловна — сестра.

Въ этихъ родныхъ ему, безконечно милыхъ и симпатичныхъ лицахъ я видѣлъ дорогія Россіи черты А. П., его улыбку, голосъ, манеры, особенности его характера. Конечно, это были намеки, отблески, — но они освѣжали въ памяти то обаяніе, которое такъ знакомо всѣмъ, мало-мальски знавшимъ Антона Павловича.

Этому содѣйствовала и вся обстановка, среди которой я видѣлъ его въ послѣдній разъ: его кабинетъ съ окномъ на море, съ каминомъ, украшеннымъ картиной Левитана, и простымъ письменнымъ столомъ; спальня, откуда все еще пахивало лѣкарствами; столовая, гдѣ помню, мы обѣдали большой товарищеской компаніей среди его семьи, въ то время, какъ А. П. то и дѣло вставалъ изъ-за стола, прогуливался взадъ и впередъ, шутилъ и снова опускался на стулъ, чтобы чуть чуть притронуться къ какому-нибудь блюду.

Но скорбь какъ бы замерла навсегда теперь во всѣхъ предметахъ, скорбью о немъ проникнуты были черты обожавшихъ его родныхъ лицъ, скорбью звучали голоса и вздохи.

И казалось, его свѣтлая, кроткая тѣнь стояла здѣсь и говорила:

„О, Боже мой! пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ

добрымъ словомъ и благословять тѣхъ, кто живетъ теперь“.

Возвратившись домой, я перечиталъ воспоминанія объ А. П., написанныя послѣ его смерти мною. Много въ нихъ показалось мнѣ теперь лишнимъ, да и все въ общемъ—такимъ слабымъ и блѣднымъ, сравнительно съ тѣмъ, что хотѣлось сказать, но какъ то жаль стало перерабатывать ихъ заново и я посылаю ихъ вамъ, какъ они вмѣстѣ со слезами вырвались у меня тогда, при извѣстїи о смерти любимаго писателя.

I.

Еще болитъ сердце и въ душѣ кипятъ слезы. Ну, что тутъ напишешь! А нельзя не написать хоть нѣсколько словъ. Какъ при прощаньи съ безконечно дорогимъ и близкимъ человѣкомъ, нельзя хоть сквозь рыданья не крикнуть того, что рвется изъ души.

Милый Антонъ Павловичъ! Эта рука, которую онъ такъ дружески протягивалъ намъ, молодымъ писателямъ, и всѣмъ, кто шелъ къ нему за совѣтомъ и помощью, недвижима, мертва; она не напишетъ уже больше ни одной изъ тѣхъ строкъ, въ которыхъ такъ чудесно слышался его проникающій въ сердце голосъ, свѣтилась его тихая грустная улыбка, полная тоски и состраданія, горечи и вмѣстѣ съ тѣмъ — мистически-торжественной надежды!

— Мнѣ кажется, что въ моемъ домѣ нынче покойникъ!—сквозь слезы вырвалось у одной моей знакомой, когда она узнала о смерти Чехова.

Этимъ — все сказано.

Да, въ каждомъ домѣ, гдѣ чувствуется хоть какой-нибудь трепетъ живой и чуткой мысли, въ эти дни будетъ казаться, что тутъ, рядомъ, покойникъ. Никто не стоялъ къ современной мысли, къ современному чувству ближе, чѣмъ А. П. Чеховъ. Это былъ тонкій

нервный узелъ, въ которомъ отзывались малѣйшія вибраціи нашей души, и наша боль безсилія, и негодованіе на невозмутимую, тяжелую и недвижную, какъ каменная гора, пошлость, которая давить и гнететь всѣхъ, кто не сливается съ нею.

Въ минуты одиночества и холодного ужаса передъ топкой мутой жизни, онъ входилъ къ намъ и тихо начиналъ намъ объяснять и эту жизнь, и насъ самихъ — въ живыхъ, до осязанія ясныхъ образахъ и картинахъ. Онъ заставлялъ насъ улыбаться и вѣрить въ торжество ума надъ тупостью, правды надъ ложью. И намъ, какъ студенту въ одномъ изъ его рассказовъ, начинало казаться, что „правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду, во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни, — и невыразимо сладкое ожиданіе счастья, невѣдомаго, таинственнаго счастья, овладѣвало, мало-по-малу, и жизнь казалась восхитительной, чудесной и полной высокаго смысла“.

Только люди, глухіе сердцемъ, не выносятъ изъ чеховскихъ произведеній этого трогательнаго и чистаго впечатлѣнія. Они и въ печати даже укоряли Чехова, что онъ не бьетъ въ турецкій барабанъ и не кричитъ—„впередъ“. Они не желали знать, что онъ раскрываетъ ужасы жизни и мрака, отъ которыхъ человѣкъ поневолѣ долженъ обратиться къ свѣту, если постигнетъ и пойметъ ихъ. А Чеховъ только и дѣлалъ, что съ поразительной ясностью открывалъ все это и тѣмъ указывалъ ясные пути.

Я вспомнилъ это не потому, что хочу что-то доказать тѣмъ, кто не понималъ и не цѣнилъ Чехова—Богъ съ ними!.. Имъ и самимъ, если не стало, то скоро станетъ стыдно этихъ дикихъ упрековъ. Написалъ я это потому, что вспомнилъ, какъ Антонъ Павловичъ прошлой весной, на пасху, въ Ялтѣ, съ горечью жаловался, что слишкомъ поздно ему улыбнулся успѣхъ, что много силъ растрачено по-

напрасну въ упорной и жестокой борьбѣ за существованіе.

— И теперь обо мнѣ Богъ знаетъ, что пишутъ, а когда я выпустилъ свою первую книгу, — одинъ извѣстный критикъ (онъ называлъ намъ его фамилію) прямо-таки писалъ, что судьба такихъ забавниковъ-писателей, какъ я, — умереть подъ заборомъ.

Это было въ солнечный день; синѣло море, лиловые горы дымились, какъ алтарь; маленькій садикъ, который собственными руками насадилъ Чеховъ около своей дачи (онъ гордился каждымъ кустикомъ тамъ, кажется, больше, чѣмъ любымъ своимъ рассказомъ), свѣжо и молодо распустилъ свою кудрявую зелень и грѣлся въ весеннемъ теплѣ, а Антонъ Павловичъ кутался въ ватное пальто: его вѣрно немного лихорадило, и весеннее тепло не могло согрѣть этого исхудавшаго, слабаго тѣла. Оно утратило свое здоровье и крѣпость. Казалось, также не могъ уже согрѣть его и этотъ поздно пришедшій успѣхъ.

И мнѣ тутъ же вспомнился еще одинъ случай:

Въ февралѣ 1901 года Антонъ Павловичъ былъ въ Одессѣ на возвратномъ пути изъ Флоренціи въ Ялту. Мы сидѣли въ Лондонской гостиницѣ и онъ, волнуясь и покашливая, рассказывалъ возмутительную исторію съ нимъ въ Одесской таможнѣ.

Таможенный чиновникъ забралъ его портфель съ письмами. Нѣкоторыя полученныя имъ письма Антонъ Павловичъ, всегда любившій порядокъ, запаковалъ въ конверты. Чиновникъ сталъ разрывать конверты, чтобы убѣдиться въ легальности содержимаго.

Чеховъ возмутился. Еще больше возмутился его спутникъ.

— Вѣдь вы грамотный человѣкъ! — пробовалъ тотъ урезонить чиновника. — Это Чеховъ, Антонъ Павловичъ Чеховъ, писатель. Кажется, можете повѣрить ему.

— Не знаю, грамотны ли вы, но я кончилъ университетъ! — съ апломбомъ заявилъ чиновникъ. — Для меня служба выше всякихъ Чеховыхъ!

Но, очевидно, чиновникъ этотъ понималъ службу по своему, потому что начальство, бывшее чиномъ выше этого господина, заявило, что эти пакеты останутся неприкосновенны.

— Непремѣнно надо будетъ разсказъ написать. — сказалъ въ заключеніе Антонъ Павловичъ. — Очень ужъ это характерна у насъ наклонность всякаго такого ничтожества поизмываться надъ безпомощнымъ человѣкомъ и показать свою власть.

Скоро, за столомъ, за тихой бесѣдой эта наклонность поизмываться была забыта.

II.

Я собрался уходить.

— Куда вы? Пойдите... Или вотъ что, пойдемте вмѣстѣ, пройдемся по городу. Я, кстати, куплю ма-тушкѣ подарокъ. Пойдемъ,—обратился онъ къ своему спутнику.

— Погода скверная. Я и вамъ, Антонъ Павловичъ, не совѣтую.

— Нѣтъ, я пойду. Что тамъ на погоду еще обращать вниманіе! Къ тому-же я боюсь дома сидѣть.

— Чего?

— Да вотъ, въ газетахъ ужъ напечатали, что я здѣсь. Интервьюеры ужъ навѣдывались. Не люблю я этого. А потомъ, пожалуй, барышня прійдетъ спрашивать, какъ жить надо, а я и самъ не знаю. А то гимназисты любятъ къ писателямъ ходить совѣтоваться — на счетъ самоубійства. Ужасно пріятно въ 16—17 лѣтъ думать о самоубійствѣ.

— А дамы съ драмой? напомнилъ я ему. — У насъ ихъ въ Одессѣ милліонъ.

И я разсказалъ ему, какъ ко мнѣ пришла одна такая дама и на вопросъ, какая у нея пьеса, оригинальная, или переводная, отвѣтила: „Нѣтъ, совсѣмъ обыкновенная“. Я разсказалъ ему все это въ лицахъ.

Онъ засмѣялся своимъ трогательнымъ, заразительнымъ смѣхомъ. Сейчасъ, вспоминая этотъ смѣхъ, смѣхъ отъ души, я вижу передъ собой лицо Антона Павловича, слышу его глуховатый голосъ. Вотъ онъ знакомымъ уже движеніемъ пальца сбрасываетъ съ носа пенсне и говоритъ: „А ну васъ!“ Какъ удивительно согласовалось въ немъ все съ его произведеніями. Сколько ума, грусти и доброты было въ его улыбкѣ и въ низкихъ нотахъ его искренняго смѣха!

И всѣ такъ любили этотъ смѣхъ, что пользовались всѣмъ, чтобы вызвать его у Антона Павловича. Кромѣ того, невольно хотѣлось развеселить эти грустные тихіе глаза, въ которыхъ такъ много было личной печали человѣка, приговореннаго къ смерти, и тоски за жизнь, которую онъ видѣлъ до дна.

Особеннымъ мастеромъ на это былъ И. А. Бунинъ. Когда истощался личный запасъ юмора, Бунинъ читалъ Чехову его собственные юмористическіе рассказы, и Антонъ Павловичъ смѣялся такъ, какъ будто это были чужія произведенія. Между прочимъ, онъ говорилъ, что только про прошествіи двухъ лѣтъ можетъ сказать, хорошо или дурно то, что онъ написалъ. Этимъ объяснялось и то, что онъ просилъ меня достать рецензію о „Трехъ сестрахъ“, хотя не весьма довѣрялъ критикѣ.

— Не знаешь, за что и откуда ударять, — объяснялъ онъ. — Въ особенности за пьесы. Это вѣдь ужасно какъ страшно, — пьесу ставить. Тутъ и публика, и актеры, и погода, и именинники, — все путается.

Онъ никогда не могъ забыть провала перваго представленія „Чайки“ и, вообще, первыхъ неуспѣховъ съ пьесами. Впрочемъ, говорилъ онъ теперь объ этомъ безъ горечи, еще менѣе было злобы въ его воспоминаніяхъ. Съ улыбкой рассказывалъ онъ, какъ извѣстный В. А. Крыловъ, послѣ того, какъ театрално-литературный комитетъ при Императорскихъ театрахъ забраковалъ „Иванова“, — предложилъ Чехову погравить его пьесу.

— Онъ очень удивился, когда я отказался. Вы, говорить, еще молодой авторъ, неопытны... Потомъ ужъ у Корша я ее поставилъ.—Вамъ сколько лѣтъ?—перемѣнивъ тонъ, обратился ко мнѣ Чеховъ.

— Тридцать два.

— Вотъ и мнѣ тогда было тоже тридцать два года. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, какъ будто вспоминая то прошлое, когда онъ еще былъ здоровъ, и улыбнулся.

— Вѣдь это тоже ваша первая пьеса „Буреломъ“?

— Первая.

— Смѣшно было, когда играли? Какъ будто чужія слова говорятъ. Правда?

— Да.

— И всегда не то кажется, какъ-бы хорошо ни играли. Мнѣ въ Художественномъ театрѣ только „Дядя Ваня“ моимъ и показался. Особенно второй актъ.

— А вы теперь пишете что нибудь, Антонъ Павловичъ?

Чеховъ не любилъ такихъ вопросовъ. Онъ даже какъ-бы нѣсколько суевѣрно относился къ этому: непременно,—молъ,—не удастся, если кому-нибудь расскажешь.

Онъ отвѣтилъ уклончиво:

— Да, пишу кое-что. Я всегда пишу.—Вы много работаете?

Я отвѣтилъ.

— Надо много работать! — внушительно понижая голосъ, заговорилъ онъ. — Каждый день непременно надо работать. Я прежде писалъ каждый день по разсказу. Потомъ ужъ привычка явится. — Посмотришь на жизнь, на людей... Потомъ гуляешь гдѣ нибудь, хоть въ Ялтѣ по набережной, вдругъ пружинка въ головѣ „чикъ“, и готовъ разсказъ.

И онъ съ улыбкой сталъ рассказывать о своемъ прошломъ, о тѣхъ годахъ, когда онъ работалъ для юмористическихъ журналовъ, вспоминалъ разные курь-

езы и иногда прерывалъ свой разсказъ добродушнымъ смѣхомъ, полнымъ грусти и сожалѣнія.

— Ужасно мнѣ тогда мало платили, — говорилъ онъ: копѣекъ по 5, по 6 со строчки. Рублей 8—10 за разсказъ, и это очень долго продолжалось. Потомъ стали набавлять.

Именно, стали „набавлять“. Самъ Чеховъ никогда не торговался и не назначалъ платы. Сколько давали, столько и бралъ.

— Да что! смѣясь, воскликнулъ онъ, — со мной недавно была исторія. Обратился ко мнѣ издатель одного дѣтскаго журнала. Далъ я ему разсказъ. Напечаталъ. Потомъ на одномъ юбилеѣ встрѣчаюсь съ нимъ, денегъ у меня было мало, а тутъ всѣ угощаются. Вижу, онъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями и конвертъ въ рукахъ. Ну же я и обрадовался. Благодарить. Просить и впредь не оставлять его журнала и деликатно такъ конвертъ прямо въ карманъ мнѣ.

Я даже не посмотрѣлъ въ первую минуту. Посиживаю себѣ. Съ деньгами то на душѣ свѣтло, какъ въ ресторанной залѣ. А пришло время расплачиваться, я за конвертъ. Разрываю—двадцать рублей. А разсказъ порядочнаго размѣра былъ. Вотъ же я смѣялся! „Будильникъ“ мнѣ это напомнило.

Мнѣ это, однако, было не смѣшно. Еще туда-сюда, если бы издатель былъ бѣднякъ, а то вѣдь—богатый человѣкъ. Заплатить Чехову двадцать рублей за разсказъ! Но самое интересное было въ этой исторіи заключеніе.

— Я было ему отдать хотѣлъ назадъ эти двадцать рублей, да неловко, обидѣлся бы, пожалуй, — поставъ смѣяться, закончилъ Антонъ Павловичъ.

Мы часа полтора бродили по городу, заходили въ магазины, покупали что-то... Проходя мимо писчебумажныхъ магазиновъ, Антонъ Павловичъ останавливался у оконъ.

— Ужасно какъ люблю писчебумажные магазины, — говорилъ онъ.—Зайдемъ.

Заходили, и онъ покупалъ бумагу.

— Это моя страсть, — посмѣивался Антонъ Павловичъ. — Люблю бумагу и жаденъ на нее. Лучше цѣлковый дамъ, чѣмъ листокъ бумаги. А когда письма я получаю, всегда чистый листокъ отрываю и складываю. Хорошо писать на нихъ.

Антонъ Павловичъ въ этотъ день чувствовалъ себя, повидимому, легко и иногда говорилъ что-нибудь въ родъ:

— А знаете, тотъ господинъ, который продавалъ намъ игольникъ, онъ, должно быть, ужасно какъ любить въ шашки играть.

И всюду, — на улицѣ, въ магазинахъ, въ редакціяхъ, — мнѣ, рядомъ съ Чеховымъ, казалось, что передъ глазами моими — чеховскія картины, чеховскія сцены и лица. Онъ все зналъ, все видѣлъ и все умѣлъ передать и освѣтить. Этотъ блѣдный, худощавый, спокойный человекъ въ дешевой круглой шапочкѣ и староватомъ пальто, носилъ въ себѣ великую тайну творчества, могущество проникновенной мысли, которая видѣла подноготную жизни, угадывала за ея стертыми, обуднѣвшими чертами ея душу съ мельчайшими изгибами. Онъ все зналъ и зналъ не поверхностно, а основательно. Если онъ писалъ о сапожникѣ, онъ никогда не могъ написать, что тотъ сидѣлъ на скамейкѣ, или еще какъ-нибудь, а писалъ, что онъ сидѣлъ „на липкѣ“, а ремень, которымъ сапожника били, когда онъ былъ мальчикомъ, назывался „шпандыръ“.

— Я всегда прежде, когда былъ здоровъ, въ третьемъ классѣ ѣздилъ, — говорилъ Чеховъ, — это интересно. Во второмъ больше курать, да въ окна смотреть, въ первомъ — въ карты играютъ и пейзажами любятъ.

Я проводилъ Чехова до гостиницы. Тутъ мы узнали, что у него за время его отсутствія успѣли уже побывать одесскіе поклонники. Между прочимъ, хотѣли устроить ему обѣдъ. Чеховъ даже испугался послѣдней затѣи.

— Нѣтъ, не люблю я этого, не надо. Пожалуй, еще краснымъ виномъ напоятъ. А вы вотъ что,—обратился онъ ко мнѣ, — приходите вечеромъ, непременно же приходите. Да нѣтъ ли здѣсь еще когонибудь изъ молодыхъ писателей?

Я назвалъ Куприна.

— Ну вотъ, и его приводите съ собою.

Вечеромъ мы съ Купринымъ были у Чехова. Купринъ былъ также сразу захваченъ его личностью, этимъ обаяніемъ доброты, мысли и печали, которое шло отъ Чехова къ тѣмъ, къ кому онъ чувствовалъ расположеніе. Цѣлый вечеръ прошелъ въ самой живой бесѣдѣ. Антонъ Павловичъ все время ходилъ взадъ — впередъ по діагонали маленькаго номера, смѣялся, покашливалъ, и слушалъ, и рассказывалъ самъ. Онъ говорилъ коротко, иногда просто намекомъ въ нѣсколько словъ, сравненіемъ, двумя-тремя чертами. О своемъ дѣтствѣ рассказывалъ. Много говорилъ о молодыхъ писателяхъ.

Между прочимъ, упомянулъ о покойномъ М. Е. Зміенко, книга рассказовъ котораго съ моимъ предисловіемъ вышла не за долго передъ тѣмъ, послѣ смерти автора.

— Онъ былъ талантливый человѣкъ.—сказалъ Чеховъ.— Жаль его.

— Да, жаль. Никто его не знаетъ. Книгу не покупаютъ. Критика ни слова не говоритъ объ немъ.

— Печатался мало и все въ газетахъ. Жаль, жаль...—Вотъ еще тоже интересная книга! — вспомнилъ Антонъ Павловичъ; и тоже нигдѣ не пишутъ объ ней и никто ее не знаетъ... Изъ монастырской жизни рассказы.

Теперь уже я не помню хорошенько, но кажется, фамилія автора была Данилинъ, при чемъ Чеховъ увѣрялъ, что это псевдонимъ, что авторъ, навѣрное, женщина.

— Женская рука чувствуется... Такъ пріятно читать.

Каждымъ молодымъ дарованіемъ Чеховъ очень интересовался, разыскивалъ вездѣ, поддерживалъ своими совѣтами, указаніями. Онъ зналъ по себѣ, какъ тяжело въ молодости работать безотзвѣно, и съ особенною ласковостью, чуткостью и вниманіемъ, какъ старшій братъ, протягивалъ свою руку и въ случаяхъ неудачи говорилъ:

— Это ничего, знаете. Это даже хорошо. Заставляетъ строже относиться къ себѣ. Надо только работать какъ можно больше.

Съ отвращеніемъ на дняхъ прочелъ я строки какого-то автора, якобы передающаго слова Чехова о Бальмонтѣ, только какъ о какомъ-то фокусникѣ, умѣющимъ нанизывать ловко слова. Чеховъ такъ бережно, почти свято относился къ каждому дарованію, что никогда не могъ сказать ничего подобнаго. Да я и не разъ слышалъ, какъ онъ именно о Бальмонтѣ говорилъ:

— Это талантливый поэтъ. Что тамъ говорить!

Иногда, среди оживленной бесѣды, лицо Чехова какъ-то вдругъ становилось сосредоточеннымъ, даже нѣсколько разсѣяннымъ. Казалось, что въ это время внутри его затворялись двери и тамъ, за этими дверями шла своя работа. Такъ проходила минута, другая. Собесѣдники поневолѣ замолкали, боясь нарушить его настроеніе. Но онъ вдругъ это замѣчалъ, останавливался посреди комнаты, и медленно надѣвая пенснэ, всматривался въ сидящихъ, а потомъ, совершенно неожиданно говорилъ, обращаясь къ кому-нибудь изъ насъ:

— Купите у меня сюжетъ разсказа. Дешево уступлю. Особенно же, если оптомъ. У меня нѣсколько книжекъ записныхъ съ сюжетами.

Говорилось это съ такой шутливой серьезностью, что мы при этой неожиданной выходкѣ разражались смѣхомъ, и самъ онъ, сбрасывая пенснэ, смѣялся вмѣстѣ съ нами.

III.

На другой день Чеховъ уѣзжалъ изъ Одессы въ Ялту.

Мы приѣхали на пароходъ проводить его.

Быль сѣрый февральскій день. „Чеховскій“ день. Въ сыромъ воздухѣ чувствовалось смутное раздраженіе отъ близости весны, какъ бы предчувствіе ея, не смотря на ненастье. Волны холодно и тяжело дышали у гранитной набережной, чуть-чуть покачивали плюшки и терлись у высокихъ облѣзлыхъ бортовъ парохода.

— Антонъ Павловичъ, шли бы вы внизъ, погода отвратительная.

— Не пойду.

— Не бережете вы себя.

— Еслибы я не берегся, давно бы меня на свѣтъ не было, а я еще лѣтъ десять проживу. — спокойно отвѣтилъ Антонъ Павловичъ.

— Я знаю, на то я и докторъ.

Антонъ Павловичъ любилъ иногда помянуть о томъ, что онъ докторъ и, повидимому, относился къ этому званію своему довольно ревниво.

Онъ остался на палубѣ. Какъ разъ въ этотъ день, на томъ же пароходѣ ѣхалъ съ своимъ дрессированнымъ звѣринцемъ въ Севастополь клоунъ Дуровъ, и Чеховъ, взявъ за руку моего трехлѣтняго мальчика, отправился съ нимъ смотрѣть звѣрей. Я видѣлъ, какъ онъ серьезно наклонялся къ ребенку, бесѣдуя съ нимъ и иногда улыбаясь сквозь усы трогательною, ласково-грустной улыбкой. Онъ очень любилъ дѣтей, и когда этотъ мальчикъ отошелъ отъ него на минуту и сталъ съ любопытствомъ заглядывать черезъ бортъ, Чеховъ поспѣшилъ къ нему вмѣстѣ съ матерью ребенка.

— Бойтесь, чтобы онъ въ море не упалъ? — обратился къ ней Чеховъ.

— Да.

— А если бы упалъ?

— Я бы бросилась за нимъ.

— И я бы тоже бросился, — тихо и спокойно замѣтилъ Антонъ Павловичъ и, положивъ руку на плечо мальчика, отвернулся и не сказалъ больше ничего.

Тонъ, которымъ произнесъ онъ эти слова, былъ такъ простъ и искрененъ, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ именно такъ бы и поступилъ, какъ сказалъ.

Его слова тронули насъ всѣхъ и не столько потому, что этотъ больной человѣкъ способенъ былъ на такой подвигъ, сколько потому, что за ними почувствовалась глубокая, тихая, какъ осенній вечеръ, грусть одиночества.

Въ эту минуту на пристани происходила забавная сцена: нѣсколько человѣкъ, во главѣ съ самимъ Дуровымъ, старались ввести на пароходъ верблюда.

Огромное неуклюжее животное упиралось и не желало вступить на скользкіе отъ сырости мостки. Ни соблазны, ни уговоры, ни угрозы, ни даже насилие — не помогали. Верблюдъ упорно тяготѣлъ къ землѣ и, сдѣлавъ два-три движенія впередъ, поворачивалъ обратно.

Антонъ Павловичъ схватилъ мальчика за руку.

— Смотри, смотри! Вотъ потѣха-то! Вотъ потѣха-то! — повторялъ онъ, съ любопытствомъ слѣдя за этой борьбой. — Не пойдетъ! Ни за что не пойдетъ!

Мальчикъ смѣялся. Чеховъ смѣялся вмѣстѣ съ нимъ, повидимому, совсѣмъ забывъ его руку въ своей рукѣ.

Когда, наконецъ, съ верблюдомъ рѣшили распорядиться при помощи лебедки и, подхвативъ его, подняли на воздухъ, Антонъ Павловичъ разразился такимъ заразительнымъ смѣхомъ, что всѣ вокругъ стали вторить ему.

Верблюдъ, безпомощно растопыривъ свои длинные ноги, вытянувъ симпатичную уродливую голову съ ра-

стерянными глазами, до крайности смѣшной фигурой рисовался на фонѣ сѣраго облачнаго неба.

— Вѣдь создастъ же Господь этакую образину! — сквозь смѣхъ вырвалось у Чехова. — Ну и потѣха!

— А знаете, — обратился онъ ко мнѣ, — верблюды потому такъ насмѣшили насъ, что онъ — симпатичный, хоть и уродъ. Потому и ребенокъ смѣялся, что верблюдъ ужасно симпатичный.

Дуровъ, узнавъ, что этотъ смѣявшійся скромный человекъ — А. П. Чеховъ, чтобы доставить ему удовольствіе, заставилъ свою собаченку Запятайку продѣлывать разные фокусы. Я вспомнилъ чеховскую „Каштанку“. Казалось, что и въ этой „Запятайкѣ“, и въ смѣшномъ симпатичномъ уродѣ верблюдѣ, и въ каждомъ изъ тѣхъ звѣрей, которыхъ Чеховъ разсматривалъ съ моимъ мальчикомъ, онъ видѣлъ ихъ индивидуальность. Онъ ко всему присматривался съ тонкимъ вниманіемъ, всюду замѣчалъ свои особенности, свою душу. Его таланта хватало на все и на всѣхъ, потому что онъ каждымъ нервомъ своимъ чувствовалъ окружающую его жизнь, проникалъ ее и любилъ.

Чеховъ — пессимистъ!

Нѣтъ, даже его смертельная болѣзнь не могла сдѣлать его пессимистомъ. Наоборотъ, чѣмъ ближе онъ подходилъ къ могилѣ, тѣмъ глубже, чище и возвышеннѣе звучала въ немъ вѣра въ людей и въ свѣтлое будущее. Что-то пророческое и торжественное слышалось въ его голосѣ сквозь печаль и сумракъ жизни, которую онъ заставлялъ какъ бы исповѣдываться передъ нами въ живыхъ творческихъ созданіяхъ. Иногда этотъ страдальческій голосъ возвышался до величаваго пафоса и тогда звучалъ красотой неземного очарованія, отъ которой изъ души рвались невольныя благодарныя слезы этому великому и еще мало понятому и оцѣненному у насъ поэту правды, печали и вѣры.

„Услышимъ ангеловъ! Увидимъ небо въ алмазахъ!“

Боже мой! У какого же пессимиста вырвется этот крикъ, переливающийся, какъ чистыя слезы на солнцѣ! Скорбь—не пессимизмъ. Скорбь—родная сестра вѣры для того, кто постигаетъ все несовершенство жизни, весь стихійный ужасъ ея, передъ которымъ мы часто оказываемся жалкими и безсильными. Только благороднѣйшимъ душамъ свойственна такая скорбь. Личная жизнь также не можетъ не окрашивать и не преломлять ее такъ или иначе, но не личная жизнь источникъ ея; этотъ источникъ лежитъ въ тѣхъ творческихъ нѣдрахъ души, гдѣ таинственно и чудно отзываются голоса жизни, ея внутренніе призывы и упованія.

Скорбь—не отчаяніе, точно также, какъ бодрость—не надежда.

Года три тому назадъ къ Чехову явился одинъ изъ его „поклонниковъ“. Въмѣсто того, чтобы поблагодарить писателя за его удивительныя созданія, этотъ господинъ обрушился на Чехова съ упреками, отчего у него такъ много въ произведеніяхъ печали.

— Не такое теперь время! — громко восклицалъ онъ, бѣгая по кабинету Чехова.— Не такое время теперь, чтобы въ уныніе впадать да печалиться. Надо звать на борьбу! На борьбу!

Чеховъ кратко выслушивалъ этотъ урокъ. Ему были не новость эти выговоры. Его и критики и посѣтители не разъ учили, какъ надо писать и что надо писать. Ему грозили безвѣстностью, равнодушіемъ читателей, даже голодною смертію, если онъ не послушается ихъ. Чеховъ съ скорбной улыбкой, съ болью выслушивалъ все. Такъ и здѣсь онъ кратко выслушалъ эти нареканія.

— Вы не имѣете права, наконецъ, съ вашимъ талантомъ заниматься тѣми мелочами жизни, которыя постоянно встрѣчаются въ вашихъ рассказахъ! — громилъ его требовательный читатель. — Талантъ общественное достояніе и, слѣдовательно, вы должны служить обществу, сообразно его запросамъ и нуждамъ.

а не впадать въ грусть по поводу мелочныхъ несовершенствъ ея, не отдаваться личнымъ настроеніямъ.

Все бы это еще ничего, и филиппики, и громкій голосъ. Но гость закурилъ сигару, въ то время, какъ у Чехова въ кабинетѣ вывѣшена просьба не курить. Чеховъ закашлялся и, поддерживая надрывающуюся отъ кашля грудь, подошелъ къ телефону, который какъ разъ на высокой нотѣ прервалъ посѣтителя.

Съ трудомъ откашлявшись, Чеховъ сталъ слушать то, что ему говорили въ телефонъ, и черезъ нѣсколько мгновеній, опуская телефонную трубку, обратился къ гостю съ виноватымъ лицомъ:

— Извините, пожалуйста. Я долженъ оставить васъ. Мнѣ по телефону сообщили, что сейчасъ пришелъ пароходъ, на которомъ привезли мою жену: она опасно больна.

Этотъ фактъ мнѣ представляется чрезвычайно типическимъ для біографіи Чехова. Жизнь часто ставила его между такими острыми „рогатками“ и надо было имѣть великій запасъ свѣта въ душѣ, чтобы не только не перестать вѣрить, но и въ другихъ поддерживать вѣру. Не знаю, былъ ли религіозенъ Чеховъ, но Богъ его былъ Богъ безсмертной правды и страданія.

Отецъ Антона Павловича былъ большимъ любителемъ церковнаго пѣнія и устроилъ изъ сыновей хоръ. Иногда они пѣли, какъ любители, въ дворцовой таганрогской церкви.

Чеховъ до конца жизни любилъ читать, какъ онъ выражался, про божественное, но заходя иногда въ комнатку Евгеніи Яковлевны и заставая ее за чтеніемъ четьи-минеи, Антонъ Павловичъ шутилъ:

— Что это вы, мамаша, все про божественное читаете. Почитали бы лучше пьесы господина Чехова.

Теперь, когда умеръ онъ, безконечно добрый, безконечно милый Антонъ Павловичъ, съ глубокой нѣжностью выплываетъ то одна, то другая черточка его жизни и всѣ онѣ свѣтятся, какъ трогательныя улыбки.

ки его чистой и любящей души, и слезы невольно подступаютъ къ глазамъ при одномъ воспоминаніи о нихъ.

На другой или на третій день по отъѣздѣ Чехова изъ Одессы, въ одной изъ одесскихъ газетъ появился гаденькій фельетончикъ. Ни съ того, ни съ сего авторъ этого фельетона ошельмовалъ спутника Чехова В. С. М., выставивъ его прихвостнемъ Чехова, обвиняя его въ какихъ-то корыстныхъ расчетахъ, глумясь не только надъ его отношеніями къ Чехову, но и надъ его внѣшностью, и все это подъ видомъ „уваженія и преданности“ писателю. Чеховъ долго не могъ забыть этой инсинуаціи и чуть не полгода спустя говорилъ мнѣ, между прочимъ, съ горькимъ юморомъ:

— Вѣдь вотъ какъ не везетъ мнѣ: человекъ какъ будто хотѣлъ возвеличить меня и для этого обругалъ моего хорошаго знакомаго. Помните, какъ сѣкли товарища королевскаго сына, когда королевскій сынъ въ чемъ нибудь провинялся. Но вѣдь я же не королевскій сынъ, это первое, а второе—я не виноватъ, что у М. съ тѣмъ газетчикомъ какіе-то счеты.

Воображаю, какъ было пріятно близкимъ Чехова, когда онъ самъ уже ничего не чувствуетъ теперь, прочитавъ въ „Петербургск. Вѣд.“, какъ тотъ же одесскій журналистъ даже не пощадилъ имя умершаго писателя, чтобы пристегнуть къ нему еще разъ имя г. М. для сведенія маленькихъ счетовъ своихъ съ нимъ.

IV.

Вскорѣ послѣ первой встрѣчи съ Чеховымъ я собрался ѣхать за границу и, между прочимъ, намѣревался побывать во Флоренціи.

— Да, да, непременно поѣзжайте туда. — совѣтовалъ Антонъ Павловичъ. — Удивительный городъ, съ

душой городъ! На свѣтѣ три такихъ города я знаю: Флоренція, Парижъ и Москва.

— А какой вамъ больше нравится?

— Конечно, Москва. Я ужасно какъ люблю Москву. Прекрасный городъ! Интересный!

Въ день отъѣзда я получилъ отъ Чехова даже адреса гостиницъ за границей, а также письмо по поводу только что напечатанной тогда въ „Жизни“ моей пьесы.

Я потому упомянулъ объ этомъ письмѣ, что потомъ, чисто-товарищеское отношеніе Чехова къ молодымъ писателямъ проявилось особенно трогательно. Я тутъ былъ только алгебраической величиной: на моемъ мѣстѣ могъ быть x , y , z .

Возвращался я въ Одессу черезъ Москву изъ Петербурга послѣ неудачной постановки на Александринской сценѣ той самой пьесы, о которой писалъ мнѣ Антонъ Павловичъ. Какъ то такъ случилось, что къ Чехову я могъ зайти только вечеромъ. Жилъ онъ въ особнячкѣ на большомъ дворѣ, на одной изъ тихихъ московскихъ улицъ.

Сквозь закрытыя ставни просачивался свѣтъ. Весь домъ былъ освѣщенъ.

Я позвонилъ.

Вышла горничная и заявила, что Антона Павловича нѣтъ дома.

Я отдалъ ей карточку и пошелъ обратно.

Слышу, уже около воротъ, бѣжитъ за мной кто-то: та-же горничная. Она бормочетъ обычныя въ этихъ случаяхъ фразы: Антонъ Павловичъ проситъ къ нему. Онъ думалъ, что незнакомый. Незнакомыхъ принимаютъ только днемъ и т. д.

Я вернулся. Антонъ Павловичъ встрѣтилъ меня въ передней. Ласково взялъ за руку и повелъ въ кабинетъ. Изъ другой комнаты доносились голоса, смѣхъ... Тамъ, повидимому, были гости.

Мнѣ стало неловко. Я извинился, что пришелъ вечеромъ, но завтра уѣзжаю и потому рѣшился зайти къ нему.

— Впрочемъ, я на минуту.

— Нѣтъ, нѣтъ, я радъ, что вы зашли,—отвѣтилъ Чеховъ на всѣ эти фразы.—Это хорошо...

Онъ усадилъ меня на диванъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ и, задумчиво пройдясь раза два изъ угла въ уголъ, остановился передо мной и съ своей доброй, ласковой улыбкой спросилъ, глядя мнѣ въ лицо:

— Вѣрно, вамъ еще очень тяжело?

И, зная, какой будетъ отвѣтъ на эти слова, продолжалъ, сядя рядомъ со мною:

— Это же ужасная вещь... Ставить пьесу. Никогда нельзя знать, что тебя ждетъ.

— У-у-жасная вещь!—протянулъ онъ съ чувствомъ жуткости передъ стихійностью такого факта. — Я это хорошо по себѣ знаю. Мнѣ шикали такъ, какъ ни одному автору не шикали. — И за „Лѣшаго“ и за „Чайку“. Я клялся и себѣ и другимъ, что не буду больше пьесы писать. А потомъ убѣдился, что все это не такъ важно. Надо только дѣлать то, что хочется, къ чему тянетъ. Время потомъ разберетъ лучше всякаго критика, что хорошо и что дурно.

Я только тяжело вздохнулъ на эти слова. Еще слишкомъ остра и жгуча была въ душѣ моей боль отъ этой неудачи, и Антонъ Павловичъ понялъ это и продолжалъ своимъ слабымъ, мягкимъ и ласковымъ голосомъ, который звучалъ почти торжественно, когда понижался, и вѣрилось каждому звуку этого голоса и не только вѣрилось, но и становилось легче на душѣ.

— Это ничего. Это даже хорошо иногда, въ молодости. А вѣдь вы молоды! Это отрезвляетъ и заставляетъ глубже и строже глядѣть на себя. Вѣрьте, незаслуженная обида часто возвышаетъ и обязываетъ больше, чѣмъ похвала и успѣхъ, которые легко достаются.

Я рассказалъ ему, что когда меня такъ шумно вызывали за „Буреломъ“, мнѣ было нѣсколько не по себѣ,

и я думалъ, что еслибы этотъ успѣхъ выпалъ мнѣ за „Старый домъ“, пьесу, которая тогда только что мной была окончена, я бы съ болѣе спокойной совѣстію принималъ эти оваціи. А вотъ, прошелъ годъ, и эта новая пьеса, которая была мнѣ безконечно дороже первой—ошикана!

— Почему вы не отдали ее въ „Художественный театръ“? — обратился ко мнѣ Чеховъ.—Вѣдь Вл. Ив. Немировичъ писалъ вамъ, что они согласны взять эту пьесу для своего театра.

— Да, но они хотѣли поставить ее только въ слѣдующемъ сезонѣ...

— Все равно, не надо было торопиться. Пьеса черезъ годъ только выиграла бы. Надо всегда дать полежать нѣкоторое время большой вещи, въ это время даже что-нибудь другое писать, а потомъ снова приняться за нее. Работать надо! Много работать! И чѣмъ дороже вещь, тѣмъ строже надо къ ней относиться. И потомъ, вотъ еще что! Зачѣмъ вы печатаете пьесы раньше постановки? Не надо! Во время постановки многое видишь... Даже на первыхъ репетиціяхъ... Какъ заговаряютъ актеры, такъ сразу чувствуешь,—вотъ здѣсь — фальшь, а здѣсь — не своимъ языкомъ говорить какой-нибудь Иванъ Ивановичъ и даже не свое говорить. Вы думаете, поздно сейчасъ объ этомъ говорить. Нѣтъ, именно настоящее время. Работать надо! Работать! А это право же хорошо... Пострадать! Конечно, когда молодъ.—добавилъ Антонъ Павловичъ и сталъ подробно спрашивать меня о постановкѣ моей злополучной пьесы.

Я еще раньше все порывался нѣсколько разъ уйти, боясь, что оторвалъ его отъ гостей, но Антонъ Павловичъ даже разсердился на меня.

— Да сидите же, не пушу я васъ... Мнѣ все это ужасно интересно. Я точно себя вижу послѣ „Чайки“.

Онъ разсмѣялся низкимъ, трогательнымъ смѣхомъ и спросилъ съ веселымъ добродушіемъ:

— Послѣ театра, ночью шатались по Петербургу?

— Шатался... Гдѣ-то около каналовъ... Глушь!.. Фабричныя трубы торчатъ... Тѣни какія-то мрачныя сплываютъ...

— Такъ, такъ! И я тоже послѣ „Чайки“ шатался всю ночь, Богъ знаетъ гдѣ. Мнѣ казалось, что всѣ меня презираютъ и стыдно было на глаза людямъ показаться. — Отвратительное состояніе! — вдругъ прерывая смѣхъ, съ серьезнымъ лицомъ добавилъ Антонъ Павловичъ. — И вѣдь непріятнѣе всего то, что себя тутъ больше винишь и понять ничего не можешь. Даже передъ актерами какъ-то совѣстно, особенно передъ тѣми, которые играли хорошо, старались. Вотъ, напримеръ, Комиссаржевская! Вѣдь она же очень хорошая актриса и хорошо въ „Чайкѣ“ играла, а ей тоже за меня пришлось отдуваться въ первый спектакль.

— За то потомъ „Чайка“ имѣла успѣхъ на Александринской сценѣ.

— Ну, какой ужъ успѣхъ! Настоящій успѣхъ съ Художественнаго театра начался... Такъ рассказывайте, рассказывайте, какъ они играли? Какъ Савина? Самойловъ? Аполлонскій?

Онъ снова присѣлъ около меня и сталъ слушать. И въ его молчаливомъ вниманіи, въ его улыбкахъ и кивкахъ головы, въ каждомъ движеніи его — было столько безконечной доброты, желанія ободрить, успокоить, что становилось легко и хотѣлось плакать отъ счастья, что на свѣтѣ есть такіе простые, свѣтлые, милые, чистые люди!

Вѣдь это былъ Чеховъ, могущество таланта котораго съ такой искренностью и правдою подтвердилъ Л. Н. Толстой. И этотъ большой, историческій человекъ, какъ старшій братъ, какъ товарищъ, съ обаятельной деликатностью и осторожностью старался облегчить мое горе, сгладить обиду, переживаемую мною.

Да и причемъ тутъ я! Также онъ отнесся бы и несомнѣнно такъ относился къ каждому, кто приходилъ къ нему, и, если Чеховъ не умретъ, какъ писа-

тель, также имя его будетъ жить, должно жить, вмѣстѣ съ его душою, озарявшей скорбной улыбкой любви все, что онъ писалъ, всѣхъ, кто обращался къ его участию.

Онъ, какъ гениальный психологъ, зналъ, что для ободренія, для успокоенія человѣка надо прежде всего какъ бы сравниться съ нимъ, какъ-бы отождествить свою душу съ его душою, а такъ какъ не было души, лучшія качества которой Чеховъ не носилъ бы въ своей душѣ, ему легко было сдѣлать это и онъ принималъ на себя горести этой чужой души, дѣлилъ ихъ, какъ братъ, какъ товарищъ, и оттого умеръ такъ легко, съ такой ясностью мысли и совѣсти.

Сейчасъ смотрю я на его портретъ, стоящій на моемъ письменномъ столѣ. Мелкимъ, четкимъ почеркомъ чернѣютъ сбоку портрета нѣсколько строкъ, написанныхъ рукой Чехова, и эта характерная линія его росчерка, идущая внизъ.

„1901 г. II, 19“ — стоитъ дата на этомъ портретѣ.

19 февраля, день освобожденія Россіи отъ крѣпостнаго права. Почему именно на портретѣ значится этотъ день, а не какой-нибудь другой? Случайность? Да, конечно, случайность, не больше. Но эта же дата и на портретѣ, подаренномъ А. И. Куприну. Послѣ смерти такихъ людей, какъ Чеховъ, все, что напоминаетъ ихъ, каждая ихъ черта, — кажется знаменательной, и думается, что онъ, вѣрно, любилъ этотъ день, освободившій его предковъ отъ позора и ужаса рабства, возвратившій десяткамъ милліоновъ народа величайшее достояніе человѣка — свободу. Изъ нѣдръ земли, изъ глубины народнаго духа, много лѣтъ задушеннаго неволей, вмѣстѣ съ другими великими людьми вышелъ и Чеховъ, оттого и каждая буква, написанная имъ, сверкаетъ какъ чистѣйшая слеза скорби, оттого онъ такъ глубоко націоналенъ по духу своего творчества, кроткаго и стихійно могущественнаго въ своемъ отраженіи! На его произведенія исторія много лѣтъ спустя смѣло можетъ положиться,

какъ на вѣрнѣйшій и геніальнѣйшій діагнозъ, постав-
ной мучительной эпохѣ, въ которую онъ жилъ, кото-
рая все же заставила его воскликнуть въ торжествен-
номъ предвѣдѣніи:

„Услышимъ ангеловъ! увидимъ небо въ алмазахъ!“

